Сказаніе
о Ѳеодорѣ-христіанинѣ
и другомъ его
Абрамѣ-жидовинѣ

Изданіе А. Девенсона

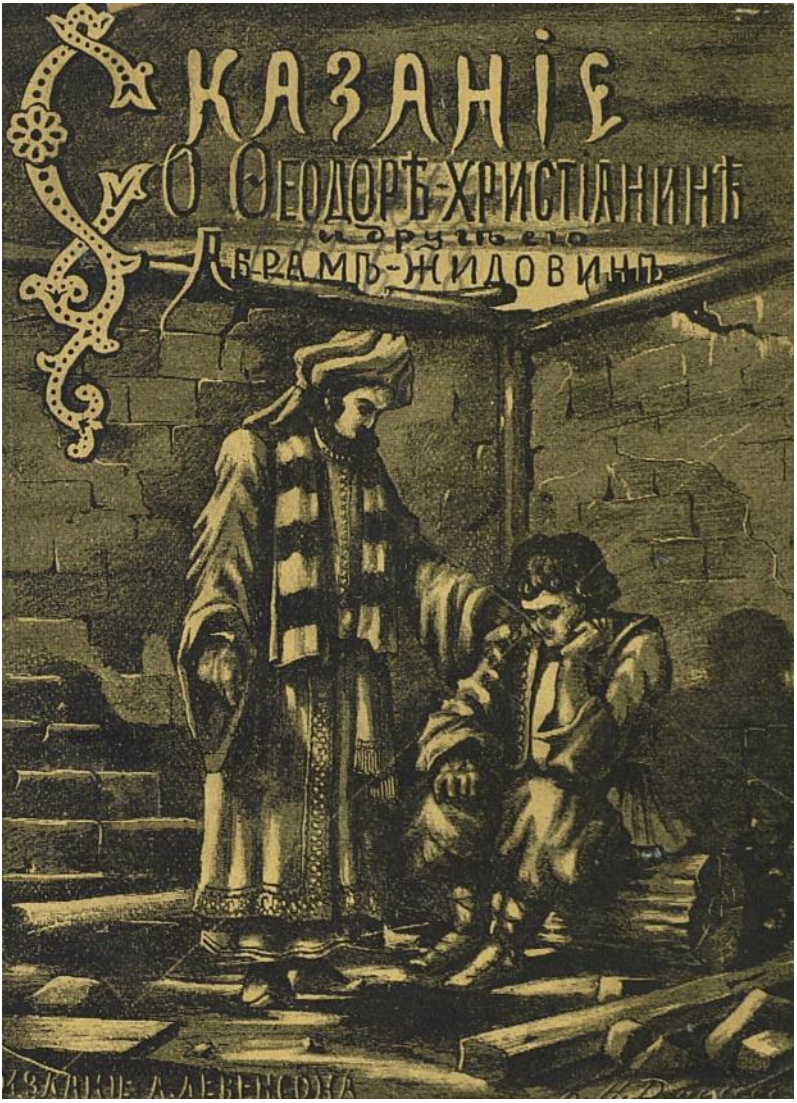
Дорогіе Друзья!

Представляемъ Вамъ разсказъ Николая Семеновича Лѣскова «Сказаніе о Ѳедорѣ-Христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-Жидовинѣ». Событія развиваются въ Константинополѣ (Царьградѣ) во время перехода отъ язычества къ христіанству. Въ городѣ, гдѣ проживали представители разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, жили и два упомянутыхъ человѣка. О ихъ дружбѣ съ младенческихъ лѣтъ, прерванной на нѣкоторое время религіознымъ размежеваніемъ, повѣствуется въ разсказѣ.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ по изданію разсказа отъ 1887 года [1].

Пріятнаго Вамъ прочтенія, Друзья!

[1] Лѣсковъ, Н.С. Сказаніе о Ѳедорѣ-Христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-Жидовинѣ / Н.С. Лѣсковъ. – Москва: Типографія А.А. Левенсонъ, 1887. – 64 с.


Сказаніе
о Ѳеодорѣ-христіанинѣ
и другѣ его
Абрамѣ-жидовинѣ
Изданіе А. Левенсона

СКАЗАНІЕ

о

ѲЕДОРѢ-ХРИСТІАНИНѢ

И О ДРУГѢ ЕГО

АБРАМѢ ЖИДОВИНѢ.

Н. С. Лѣскова.

Изданіе А.А. ЛЕВЕНСОНЪ,

безплатно разрѣшенное Авторомъ

Перепечатано изъ Декабрьской книжки 1886 г.,
журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ».

1887.
Типографія А.А. Левенсонъ, Петровка,
Рахмановскій пер., соб. д.
Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 1887 года, Мая 20 дня.

СКАЗАНІЕ
О
ѲЕДОРѢ-ХРИСТІАНИНѢ
И О ДРУГѢ ЕГО
АБРАМѢ-ЖИДОВИНѢ.

I.

Въ греческомъ городѣ Византіи, прежде чѣмъ этотъ городъ сталъ называться Константинополемъ, а у русскихъ Царьградомъ, жили два сосѣда. Одинъ былъ еврей, а другой крещеный изъ потаенныхъ; еврей содержалъ ветхозавѣтную вѣру пророка Моисея, а крещеный христианскую соблюдалъ вѣру. Оба сосѣда жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей дѣлалъ золотыя и серебряныя вещи, а христіанинъ имѣлъ корабли и посылалъ ихъ съ товарами за море. По сосѣдству они ничѣмъ другъ другу не досаждали и имѣли привычку никогда другъ съ другомъ о вѣрѣ не спорить. Кто изъ нихъ въ какой вѣрѣ родился, тотъ въ такой и пребывалъ и свою вѣру передъ другимъ не превозносилъ, а чужую не унижалъ, не охуждалъ и не порочилъ. Оба разсуждали такъ: «кому что въ разсужденіи вѣры отъ Бога открыто, — такова, значить, воля Божія». И такъ они въ добромъ согласіи прожили много лѣтъ счастливо.

У обоихъ этихъ сосѣдей было по сыну, которые были ровесники, потому что оба родились въ одинъ годъ. Христіанинъ своего сына потаенно окрестилъ и назвалъ Ѳедоромъ, а еврей своего, по еврейскому закону, въ восьмой день обрѣзалъ и назвалъ его Абрамомъ.

Тогда въ Царьградѣ главною вѣрой была еще вѣра языческая. Христіане и евреи, которые жили между язычниками старались себя сильно не оказывать, чтобы не дразнить язычниковъ и не накликать на себя

неудовольствія. А потому, какъ крещеніе Ѳеодора, такъ и обрѣзаніе Абрама отцы ихъ сдѣлали въ домахъ своихъ безъ угощенія, потихоньку, при однихъ своихъ близкихъ родныхъ.

Оба сосѣда, получивъ отъ Бога потомство, были очень рады. Христіанинъ говорилъ:

— Слава Богу, сосѣдъ!Дай Богъ, что-бы и сыновья наши жили между собою также ладно, какъ мы между собою прожили.

И еврей сказалъ то же самое, да еще прибавилъ, что дѣти должны жить еще согласнѣе, потому что они отъ отцовъ добрый примѣръ могутъ получить, что въ согласіи заключается удобье и счастіе, а въ несогласіи — всякое безпокойство и разореніе.

II.

Когда мальчики, Ѳедоръ и Абрамъ, подросли до той поры, что стали ихъ манить совмѣстныя игры и забавы, то обѣ матери — и христіанка, и жидовка, начали выносить дѣтей на огородъ и сажать ихъ вмѣстѣ, чтобы они забавлялись, а большимъ не мѣшали. А огороды у еврея и у христіанина были рядомъ бокъ-о-бокъ, и по тогдашней простотѣ, ничѣмъ не были разгорожены. Вынесетъ еврейка, посадитъ своего Абрамку — и христіанка принесетъ своего Ѳедю и тоже посадитъ его рядомъ на травѣ подъ большой розовый кустъ; надаютъ имъ какихъ попало забавочекъ, чтобъ играли, а сами пойдутъ каждая къ своему дѣлу по-домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго настрого дѣтямъ накажутъ, чтобы мирно и весело играли, какъ хотятъ, а ссориться чтобы не смѣли. Ежели же въ чемъ-нибудь не съумѣютъ поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

Въ этомъ простомъ, но добромъ наученіи мальчики выросли и сжились другъ съ другомъ такъ, что любили одинъ другаго совершенно какъ два согласные родные брата. Даже и болѣе, потому что между родными братьями по крови бываютъ иногда несогласіе и зависть, а у Ѳедора съ Абрамомъ ничего подобнаго не было. Что одному любо, то и другому нравится. А что одинъ изъ нихъ былъ окрещенъ, а другой обрѣзанъ, — этого они совсѣмъ не знали. За занятіями и недосугами, родители ихъ оставляли имъ это безъ растолкованія, да дѣти даже еще и не уразумѣли бы въ своемъ возрастѣ, въ чемъ тутъ разница. Въ невинномъ дѣтскомъ маломыслiи, они вмѣстѣ играли и, наигравшись вмѣстѣ, обнявшись, засыпали на травкѣ, спрятавъ головы подъ одинъ и тотъ же розовый кустъ, въ которомъ копошились золотыя пчелки, а дѣтей не трогали, все равно какъ христіанина, такъ и жидовина.

Но вотъ Ѳедоръ и Абрамъ подросли и настало время посылать ихъ въ школу. А это случилось, когда въ Константинополѣ язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вѣра христіанская. Идольскія капища тогда разоряли или передѣлывали на церкви и на городскихъ стѣнахъ надъ воротами стали писать образа, чтобы всякій, проходя, кланялся и молился.

Въ эту пору многое стали заводить на иной ладъ, и нѣкоторые начали изъяснять высшему начальству, что христіанину и еврею вмѣстѣ ходить въ одну школу не годится, а непремѣнно надо раздѣлять дѣтей порознь, чтобъ они съ малолѣтства не смѣшивались, потому что, будто, вмѣстѣ имъ нельзя дать согласнаго наученія, такъ какъ у евреевъ главный законъ вѣры — отъ Моисея, человѣка Божія, а у насъ — отъ Христа. Мы ихъ ветхій законъ признаемъ, но только къ нему отъ своего Новаго Завѣта добавку дѣлаемъ, а евреи думаютъ, что имъ добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что въ старомъ

законѣ отъ Моисея показано.

III.

Матери Ѳедора и Абрама не твердо разумѣли, что ихъ религіи подробно касается, а знали по-женски одно наружное.

Знали онѣ, вапримѣръ, что жидовкамъ надо въ ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещенымъ женщинамъ — заведено мыться только когда понадобится; или, что христіанамъ можно свинину ѣсть, а жидамъ свиное мясо запрещено и не позволено. Прочаго же, что есть главное въ томъ и въ другомъ законѣ, онѣ не понимали до тонкости и молились по своему, каждая про себя, какъ была научена въ дѣтствѣ. Больше же всего обѣ онѣ жили съ тою заботой, чтобы въ сосѣдствѣ по-домашеству имъ одной отъ другой было какъ можно удобнѣе и чтобы не оказать никакой другъ другу помѣхи.

Старый, потаенный христіанинъ и еврей, какъ настало время ихъ мальчикамъ учиться, не захотѣли ихъ разлучать, и чтобы въ этомъ не было помѣхи, свели Ѳедора и Абрама къ одному мастеру, который и заучилъ ихъ греческой грамотѣ. Оба мальчика хорошо занялись и такъ полюбили грамоту, что рвались къ ней въ несытость. Мало имъ было того, чему въ школѣ у мастера научатся, а они еще, какъ придутъ домой, опять и дома тоже продолжали учиться. Какъ только немножко поѣдятъ, похватаютъ, сейчасъ опять сойдутся на огородѣ, сядутъ подъ деревцомъ, обоймутся и опять вмѣстѣ читаютъ — про разныя страны и про разныя вѣры. Одну за другою, много книгъ они прочитали, и все съ хорошею памятью, такъ что мастеръ обоихъ ихъ хвалилъ и всѣмъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Одобрялъ онъ ихъ и за науку, и хвалиль за добронравіе, такъ какъ они вышли дѣти тихія, согласныя и

ласковыя.

Такъ Ѳедоръ и Абрамъ росли своимъ роднымъ на утѣшеиіе, а постороннимъ въ хорошій прімѣръ.

IV.

Отцы и матери Ѳедора и Абрама, каждый на своемъ языкѣ и по своей вѣрѣ, благодарили Бога, что мальчики такъ умны и послушны, и радовались ихъ согласно. Въ обѣихъ семьяхъ сосѣдскаго сына привѣчали наравнѣ съ своимъ; Ѳедоръ ли прибѣжитъ къ Абрамовымъ родителямъ, старый еврей и еврейка были съ нимъ ласковы, все равно какъ съ своимъ, и такъ же точно, если Абрамъ приходилъ къ товарищу, то и Ѳедоровы отецъ и мать обращались съ Абрамомъ всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастеръ, къ которому Ѳедоръ и Абрамъ ходили учиться книжной мудрости, былъ грекъ еще стараго эллинскаго наученія и самъ вышелъ изъ старинныхъ философскихъ школъ. Его звали Панфилъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и умный и въ дѣтяхъ старался заправить ту же самую любовь къ справедливости. Онъ училъ книгамъ и давалъ всѣмъ наставленіе къ жизни правильное, чтобы никто одинъ другаго не уничижалъ и никто другъ надъ другомъ ничѣмъ не превозносился, потому что если есть въ комъ что-нибудь болѣе превосходное, чѣмъ въ другомъ, то это въ человѣкѣ не есть его собственное и имъ при рожденіи не выслужено, а отъ Бога даромъ ему пожаловано. Ни красотой тѣла, ни природой родителей своихъ, ни ихъ богатствомъ, ничѣмъ у Панфила ученики другъ передъ другомъ не хвастались. И черезъ это, хотя въ школѣ у Панфила было много дѣтей изъ всего «разсѣянія», то-есть разныхъ вѣръ, но всѣ они были пріучены жить какъ дѣти одного Отца, Бога,

создавшаго небо и землю и всяческое дыханіе.

Поучившись книжному мастерству, дѣти вмѣстѣ шли по домамъ, весело между собою говоря и играя, особенно Ѳедоръ съ Абрамомъ, которые сжились, какъ братья. Но вдругъ вышло новое повелѣніе, чтобы школамъ не быть для всѣхъ вмѣстѣ, по-старому, а чтобы раздѣлиться. И тогда надъ всѣми школами уставили особливый досмотръ, и учредились особые смотрители, которыхъ называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотрѣть, во все вникать и обо всемъ распытывать, — не только чему мастера въ своихъ школахъ учатъ, но и что родители своимъ дѣтямъ дома внушаютъ. Захотѣли вразъ все обновить и поставить заново.

Одинъ такой младопитатель утвердился надъ тою школой, гдѣ учились Ѳедоръ съ Абрамомъ, и началъ онъ говорить мастеру Панфилу:

— Объясни мнѣ, Панфилъ, какъ ты вѣруешь и какую вѣру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфилъ отвѣчалъ:

— Нонче у насъ, господинъ, настало очень много разныхъ вѣръ, и каждая изъ нихъ почитаетъ себя за самую лучшую и за самую истинную, а я самъ всѣхъ вѣръ не знаю и объ истинѣ ихъ судить не могу, и потому я ни одной вѣры противъ другой не унижаю и ни одну не превозношу, такъ какъ это до меня совсѣмъ не касающее.

Младопитатель удивился.

— Какъ же, — говоритъ, — ты это лукаво умствуешь? Это такъ нельзя.

— Панфилъ отвѣчаетъ:

— Такъ я. по крайней мѣрѣ, ни въ какую ошибку никого не ввожу.

— Что за важная вещь ошибиться? Всѣ ошибаются — это можно покаяніемъ исправить; но мы знаемъ истину

и должны ее всѣмъ оказать. Надо, чтобы между людьми было по ихъ вѣрамъ раздѣленіе.

— Для этого, — отвѣчаетъ Панфилъ, — у всякаго въ своей вѣрѣ есть наставники, которые всѣхъ раздѣлить постараются, а въ училищѣ я только о томъ забочусь, чтобъ у дѣтей въ постиженіи разума никакого раздѣленія не было, а больше бы крѣпли любовь и согласіе.

Младопитатель не похвалилъ:

— Это, — говорить, — у тебя нехорошо отъ ученыхъ разсужденій развилось. Надо такъ, чтобы всякій отрокъ отъ младыхъ ногтей особо себя понималъ и жилъ всякъ по своей вѣрѣ.

Мастеръ не согласился и сказалъ:

— Я этого внушать не могу.

Стали другъ другу отвѣчать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другаго на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тѣмъ взялъ верхъ, что сказалъ:

— Ты меня долженъ слушаться: я — начальникъ и твои разсужденія мнѣ знать не нужно.

Тогда Панфилъ отвѣтилъ:

— Хорошо; если все по твоей волѣ, то тебѣ отъ разсудка приводить нечего; но ты помилосердуй — не понуждай меня разлучать дѣтей. Мои ученики еще молоды и у нихъ слабый, лысый розмыслъ, ребячій. Когда они придутъ въ возрастъ и разумомъ окудрявятся, тогда они сами, по своимъ смысламъ въ вѣрѣ, разберутся, а пусть добрый навыкъ согласія дѣтскаго при нихъ останется.

Младопитатель опалился гнѣвомъ:

— Что такое есть земное согласіе?! Надо достигать истины.

А Панфилъ опять просить:

— Да ты взгляни, — говорить, — на ребятокъ-то:

вотъ они теперь всѣ еще молоды лѣтами и умомъ всѣ лысы, не крѣпки, — ничего того, что большихъ понятій требуетъ, они понимать еще не могутъ. Помилосердуй, пожалуйста, оставь раздѣленіе ихъ надольше, а пока пусть они всѣ вмѣстѣ учатся, пусть отъ младыхъ ногтей обыкнутъ соблюдать миръ душевный и другъ къ другу общую любовь. Тогда и разница въ особливыхъ понятіяхъ не разъединить сердецъ ихъ.

Младопитатель головой замоталъ.

— Нѣтъ, твое разсужденіе, — говорить, — теперь не подъ-стать. Мы теперь заводимъ все новое, и все будетъ иначе. Всякій долженъ свою истину отъ самыхъ молодыхъ ногтей постичь и это передо всѣми на видъ оказывать. А ежели кто разсуждаетъ такъ, какъ ты судишь, то тотъ теперь къ дѣлу ненадеженъ, и я тебѣ такъ учить не позволю.

Панфилъ подулъ въ свою бороду, вздохнуть и молвилъ:

— Значить, быть по твоему. На тебѣ власть и я тебѣ покоряюсь. Не позволяешь мнѣ такъ вести, какъ я умѣю, то и не надо: я свою школу прикончу и учениковъ отпущу.

— Да, отпусти, — отвѣчалъ младопитатель, — а чтобъ и другимъ не повадно было, я твои двери печатью припечатаю.

И припечаталъ. Школа прикрылась. А Панфилъ созвалъ дѣтскихъ отцовъ и говорить:

— Вотъ, вышелъ такой приказъ, котораго я исполнить не могу, и младопитатель школу мою припечаталъ. Ведите теперь каждый свое дитя къ другимъ мастерамъ по раздѣленію вѣры вашей. У меня они худу не научились, а тамъ дай имъ Богъ научиться еще лучшему.

Пожалѣли отцы, что надо брать дѣтей отъ кроткаго Панфила, однако подчинились чему надо и

развели дѣтей въ другія школы, каждый по раздѣленію вѣръ своихъ.

V.

Мальчики Ѳедоръ и Абрамъ тутъ только впервые разлучились. Отвели Ѳедора въ особливую школу для христіанъ, гдѣ быль учитель, который почиталъ себя всѣхъ праведнѣе, а Абрама отецъ свелъ въ хедеръ къ жиду, который считалъ себя всѣхь умнѣе и изъ всѣхъ созданныхъ чище. Онъ весь жидовскій талмудъ выучилъ и наизусть зналъ всѣ правила, по которымъ всѣ люди другой вѣры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самомъ первомъ шагу сказали своимъ ученикамъ, чтобы никто съ учениками изъ чужихъ школъ и въ шутку не баловалъ, а если кто не послушается и станетъ играть, тому въ школѣ лозой пригрозили.

А чтобы дать дѣтямъ растолкованіе, одинъ сказалъ:

— Богъ только съ одними съ нами въ самомъ лучшемъ родѣ обходится и одно наше все чистое, а всѣхъ другихъ Богъ гораздо меньше насъ любить, и всѣ другіе — поганые, а все, что при нихъ есть, это тоже все поганое. Что у нихъ есть, все надо отнять да снести освятить и потомъ себѣ взять. Тогда оно очистится, а самому съ погаными послѣ того опять не знаться. Кто же съ ними по простотѣ поведется, тотъ самъ опоганится, и Богъ за него не станетъ заступаться, а я его безъ всякаго милосердія лозой застегаю, а потомъ отдамъ его другому начальнику, а другой отдастъ его еще третьему, и дойдетъ до того, что ему на свѣтѣ живымъ не остаться. А потомъ его послѣ смерти еще на томъ свѣтѣ опять будутъ мѣднымъ вѣникомъ въ огненной банѣ парить и посадятъ на

раскаленный желѣзный стулъ и все будутъ мучить безконечные вѣки.

Другой учитель не уступилъ этому и тоже одно свое все чистымъ назвалъ, а чужое все испоганилъ, и также отданныхъ ему въ науку ребятъ обѣщался до смерти избить, а послѣ смерти лишить ихъ всѣхъ радостей.

Какъ въ первый разъ ученики вышли изъ школъ, гдѣ услыхали такія наставленія, такъ и почувствовали, что на нихъ взаправду рознь есть. Вмѣсто того, чтобы по ребячью другъ съ другомъ водиться на волѣ, они сейчасъ же вспомнили учительское наставленіе и начали другъ противъ друга становиться и покрикивать:

— Не подходи; ты поганый.

А другіе отвѣчали: ты самъ — поганый.

Ѳедоръ слышалъ, какъ это говорили про Абрама, а Абрамъ слышалъ, какъ поганили Ѳедора.

VI.

Вернувшись домой, Ѳедоръ и Абрамъ въ первый разъ не знали, можно ли имъ, попрежнему, вмѣстѣ сойтись.

Похвативши хлѣбца у матерей, побѣжали они по привычкѣ на огородъ, на то самое мѣсто, гдѣ всегда игрывали, но другъ до друга не добѣжали, а стали одаль, какъ будто между ними какая-нибудь размѣтка была положена.

Стоять, жуютъ и одинъ на другаго изъ подлобья посматриваютъ, а ближе не подходятъ.

Наконецъ, одинъ заговорилъ:

— Намъ, — говоритъ, — теперь заказано, чтобы съ вами не водиться.

А другой отвѣчаетъ:

— И намъ то же самое.

Помолчали.

— Про васъ нашъ учитель говорилъ, что вы — поганые.

— И нашъ про васъ говорилъ, что вы — поганые.

— Нѣтъ, мы не поганые, — намъ нашъ Богъ особливый законъ далъ, намъ свинью ѣсть нельзя, а вы ѣдите.

— А вы ее отчего не ѣдите?

— Я не знаю.

Опять помолчали.

— А что она, свинья, вкусная или нѣтъ?

— Если мать ее съ черносливомъ и маслиной испечетъ, такъ она очень вкусная.

Абрамъ задумался. Ему давно приводилось нюхать носомъ у Ѳедора, какъ сладко пахнетъ свинина съ черносливомъ, и у него теперь подъ языкомъ защекотало.

Абрамъ плюнулъ и сказалъ:

— Поганое!

Ѳедоръ говорить:

— Моя мать не печетъ поганаго... А у насъ школа лучше вашей.

Отвѣчаетъ Абрамъ:

— А наша еще лучше вашей. У насъ меламедъ въ сивыхъ кудряхъ и все знаетъ.

— И нашъ все знаетъ!

— Нашъ про васъ знаетъ, что вы — поганые, а мы — чистые.

— Да это и нашъ говорить, что вы — поганые.

— Ну, такъ погоди, я объ этомъ отцу скажу.

Оба разсказали отцамъ и потомъ говорятъ:

— Отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

— А мой отецъ говорить, что вашъ учитель пустяки вретъ.

Пошли съ этихъ поръ всякій день считаться и

скоро послѣ того Ѳедоръ и Абрамъ, отъ рожденія своего дружные, начали другъ друга поталкивать да съ кулачками одинъ на другаго наскакивать.

— Ахъ ты жидъ! — говоритъ одинъ.

А другой отвѣчаетъ:

— Ахъ ты гой-изувѣрный!

Началось дальше, въ томъ же родѣ, и у другихъ. Гдѣ только встрѣтятся дѣти разновѣрныхъ отцовъ, такъ ужь имъ и не охота другъ съ другомъ въ ладъ между собою забавляться, а охотнѣе стало мануться, чтобы другъ друга осмѣять, да выругать, и, притомъ, непремѣнно какъ-нибудь самымъ обиднымъ манеромъ, чтобы чужой вѣры или отца съ матерью коснуться.

Понимали въ разности вѣръ очень мало, а спорили очень много и часто заканчивали споры драками.

VII.

Изъ-за дѣтей вскорѣ и отцы стали ссориться, и сами тоже стали учить дѣтей, чтобы не сходились.

— Черезъ васъ, дескать, теперь только стала распря.

Ѳедорова мать и Абрамова мать пошли разъ дѣтей въ огородѣ поискать и видятъ, что ихъ сыновья стоятъ другъ противъ друга на межѣ и толкаются, а у самихъ у обоихъ глаза горятъ и оба другъ на друга кулаченки сучатъ.

Одинъ покрикиваетъ: «Подойди-ка, подойди!» и другой — тоже.

Матери ихъ развели. Всякая взяла себѣ подъ рукавъ своего и говорятъ:

— Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, вѣрно, твой моего задирать началъ.

А другая отвѣчаетъ:

— Съ какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смирный, а это твой задираетъ.

Начали спорить: «твой — этакой», а «твой — этакой», и разругались.

— Чтобъ нога твоего, — говорить, — на нашъ огородъ не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила, чтобы за этотъ рядокъ Ѳедоръ съ Абрамомъ и переступать не могли. А другая говорить:

— Я сама еще рядокъ камешковъ подброшу.

Стала камни швырять, да, въ сердцахъ, однимъ камнемъ въ сосѣдку попала. Та завизжала.

Кинулись другъ на дружку и начали одна на другой платье рвать да въ глаза плеваться. Дѣти за ними. Сдѣлалась драка, и поднялся такой большой шумъ, что услыхали другіе сосѣди и тоже выскочили на огородъ смотрѣть, какъ двѣ бабы дерутся, а ребятишки имъ помогаютъ. Услыхали, наконецъ, и отцы Ѳедора и Абрама, что ихъ жены и сыновья дерутся, и прибѣжали и стали ихъ разнимать, да вмѣсто того сами подрались. А сосѣди, которые видѣли драку, глядятъ черезъ заборы и руками пока не вмѣшиваются, но молитвами помогать стараются.

А потомъ тѣ и другіе не вытерпѣли, перелѣзли черезъ загородки и стали каждый своему кулаками подсоблять и вышло общее побоище.

Пришли военные и ихъ разогнали, а тѣхъ, кто началъ драку, за клинъ посадили и ноги имъ въ колодки забили, а правителю доложили, что всѣ эти люди за вѣру ссорятся.

Правитель велѣлъ христіанина выпустить, а жида еще побить и съ него штрафъ взять, чтобы другимъ не повадно было съ крещеными ссориться.

Прежнихъ сосѣдскихъ ладовъ между Ѳедоровымъ

отцомъ и Абрамовымъ съ сей поры какъ и не было. Замѣсто пріязни настало такое неудовольствіе, что изъ нихъ ни одинъ другъ на друга и смотрѣть но могъ безъ гнѣва. А чтобы впередъ еще войны не было, они разгородились высокимъ каменнымъ заборомъ, такъ чтобы никто на сосѣдское мѣсто и заглядывать не могъ. Такъ прежніе добрые сосѣди состарились и въ распрѣ другъ съ другомъ померли.

VIII.

А время шло впередъ, какъ ему Богомъ указано, и Ѳедоръ и Абрамъ выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дѣла, которыми ихъ отцы занимались.

Ѳедоръ торговалъ съ заморскими городами, а Абрамъ золотыя и серебряныя вещи дѣлалъ. Оба жили въ достаткахъ, но другъ съ другомъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ было дружно, уже не сходились, пока пришелъ одинъ особый случай.

Гулялъ разъ Ѳедоръ, въ праздничный день, въ загородномъ мѣстѣ, за рощами надъ заливомъ, и видитъ, что нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной школѣ учился, напали на Абрама, отняли у него золотыя кольца и самого его бьютъ да приговариваютъ: «Вотъ какъ тебѣ, жидъ, чтобы ты нашъ праздникъ почиталъ и не смѣлъ бы работать и ходить съ непочтеніемъ».

Ѳедору вспомнилось дѣтство и жалко стало Абрама: за что его обижаютъ? Ѳедоръ и вмѣшался.

— Для чего, — говоритъ, — вы его обижаете? Какое зло онъ вамъ сдѣлалъ?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Онъ нашей вѣрѣ непочтеніе сдѣлалъ.

— Какое же непочтеніе?

— Онъ въ нашъ праздникъ работу разноситъ и какъ шелъ мимо воротъ, гдѣ ликъ написанъ, головы не открылъ.

А Ѳедоръ, такъ какъ зналъ Евангеліе и законъ еврейской набожности, то и говоритъ:

— Вы не въ правѣ поступаете. Работать никогда не грѣхъ. Сказано: если у тебя овца упадетъ въ яму, развѣ ее, хоть и въ праздникъ, не вытащишь? И за непоклонъ головы вы съ него напрасно взыскиваете: это по нашему передъ святыней надо голову открыть, а по ихнему обычаю это какъ разъ наоборотъ уставлено: у нихъ надо передъ святыней непремѣнно съ покрытой головой быть, а открыть голову — значить непочтеніе.

Тутъ всѣ заговорили:

— Ты врешь, ты выдумываешь!

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я вѣрно знаю и говорю правду.

— А почему тебѣ такая правда извѣстна, а намъ неизвѣстна? Мы всѣ въ одномъ мѣстѣ учились.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я ранѣе школы дома объ ихъ вѣрѣ въ книжкахъ читалъ.

— А-га... Ну, такъ ты, — говорятъ, — вѣрно и самъ потаенный жидъ.

И набѣжало еще со всѣхъ сторонъ много людей, справлявшихъ праздникъ, и стали спрашивать:

— Что здѣсь за шумъ и за что ссорятся?

А прежніе стали скоро, частоговоркой, разсказывать, что вотъ поймали жида съ непочтеніемъ, а Ѳедоръ, хотя и крещеный, но за жидовскую вѣру заступается и свою ниже ставить. А тѣ люди, не разобравши дальше, отвѣчаютъ Ѳедору:

— Ты виноватъ!

— Чѣмъ?... Все это неправда.

— Развѣ, — говорятъ, — ты за жида не заступился?

Ѳедоръ не солгалъ и хотѣлъ рассказать, изъ-за чего дѣло вышло, но его перебили и всѣ закричали:

— Если ты жидовскій обычай съ своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую вѣру хвалишь.

И стали всѣ бить ихъ обоихъ вмѣстѣ — и Абрама, и Ѳедора.

Избили ихъ и оставили обоихъ въ рощѣ, въ темномъ мѣстѣ.

IX.

Ѳедоръ съ Абрамомъ долго пролежали тутъ безъ памяти, а ночью при прохладѣ пришли понемножку въ себя и стали, другъ на друга опираючись, ползти домой. А какъ они добрались передъ свѣтомъ до дому, то Абрамъ сказалъ Ѳедору:

— Другъ Ѳедоръ! ты оказалъ мнѣ правду и милосердіе. Я твой должникъ буду на всю мою жизнь, а еще мнѣ всего дороже, что узналъ я тебя, что ты человѣкъ справедливый и Бога больше, чѣмъ людей, боишься.

Ѳедоръ отвѣтилъ:

— Такъ Іисусъ Христосъ велѣлъ, а я хочу быть Его ученикъ.

Абрамъ говоритъ:

— Дай Богъ, чтобы всѣ ученики твоего Учителя такъ же, какъ ты, понимали Его ученіе.

— Поймутъ всѣ, только не въ одно время.

— Приблизь, Господь, это время.

Ѳедоръ улыбнулся.

— Вотъ, — говоритъ Абрамъ, — мы съ тобой въ

дѣтяхъ другъ друга любили, когда вмѣстѣ играли и вмѣстѣ подъ однимъ кустомъ спали, а потомъ люди насъ заставили врознь быть. А сейчасъ ты, я думаю, не замѣтилъ, что сталось: мы, вѣдь, вмѣстѣ одною молитвой къ Богу помолились!...

Абрамъ говоритъ: «Аминь! Такъ пусть и будетъ съ тобой и со всѣми: да живетъ въ васъ духъ Учителя вашего, а не иныхъ».

Послѣ этого они стали опять пріятелями и, по старой, дѣтской привычкѣ, находили большое удовольствіе, чтобы послѣ трудовъ другъ съ другомъ постоять и поговорить.

Въ дома они одинъ къ другому не входили, потому что боялись, чтобы черезъ это не увеличить молву, которая про нихъ была пущена. Про Ѳедора свои говорили, будто онъ потому за жида заступался, что самъ въ тайнѣ предается жидовству и даже на молитвѣ по-жидовски скачетъ; а про Абрама жиды сочиняли, что онъ Моисеевъ законъ оставляетъ и тайно къ христіанамъ присталъ, чтобы войти въ милость у властителей. И обоимъ имъ и отъ семейныхъ, и отъ своихъ общественныхъ людей выпадали досадные попреки.

А на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Ѳедоръ и Абрамъ — оба оставались по вѣрѣ, какъ были: кто въ которой родился, тотъ въ той и пребывалъ. И какъ они въ дѣтствѣ своемъ никогда не спорили, чья вѣра лучше или богоугоднѣе, такъ же и теперь никакихъ споровъ о вѣрѣ не заводили. Напротивъ, они какъ бы крѣпче увѣрились, что и въ одной, и въ другой вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ можно себя хорошо руководствовать, если понимать вѣру правильно и не имѣть лукавыхъ и вредныхъ для мира привычекъ.

И когда они въ этомъ укрѣпились, то, если и о вѣрѣ у нихъ былъ разговоръ, онъ въ тихую и пріятную

бесѣду обращался.

Ѳедоръ сказалъ разъ Абраму:

— Мнѣ жалостно видѣть, сколько черезъ споры о вѣрѣ сдѣлалось распрей въ людяхъ.

А Абрамъ ему отвѣтилъ:

— Этому такъ и слѣдуетъ быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видѣть могутъ, то кольми паче пониманіе не одинаково все постигать можетъ, а должно разнствовать. Если бы это не было угодно Богу, то всѣ бы люди одинаково все видѣли и одинаково понимали, но такъ Богъ не создалъ, а создалъ различіе въ пониманіи. Оттого и разныя вѣры.

Ѳедоръ согласился.

— Это такъ, — говорить, — но только распри, которыя черезъ это настаютъ, душѣ моей тягостны.

— Распри, — отвѣчалъ Абрамъ, — тоже отъ непониманія, что всѣ вѣры къ одному Богу ведутъ. Кто умный богочтитель, тотъ во всякой вѣрѣ пожелаетъ почтить ея истину.

Опять согласился Ѳедоръ.

— Да, — говорить, — я давно думаю, что вотъ и твои единовѣрцы напрасно негодуютъ на Христа. Они сами не понимаютъ, что онъ одно добро желалъ людямъ, и за то и убитъ отъ злобы.

Абрамъ согласился.

— Словъ нѣтъ, что твоя правда, — сказалъ Абрамъ. — Мужъ Галилейскій, о которомъ ты говоришь, честенъ и святъ, премудръ и преистиненъ, а не понимаютъ его не только худые изъ Моисеевыхъ учениковъ, которые мнятъ тѣмъ ненавидѣніемъ службу приносить Богу, но не понимаютъ многіе и твои одновѣрцы, и то тѣмь жалче, что сіи даже Богомъ его почитаютъ, а его добраго святаго ученія и по человѣчеству не исполняютъ. Жалѣй, другъ мой Ѳедоръ, объ этомъ, ибо чрезъ это вы другимъ не

можете открыть Іисуса во всей силѣ его побѣждающаго завѣта и иныхъ о себѣ смущаете и заставляете сомнѣваться въ вѣрѣ вашей.

Ѳедоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Абрамъ, ты меня боришь!

А Абрамъ отвѣчалъ:

— И ты меня боришь! Не спорить надо о Богѣ, а стараться жить въ мирѣ.

Абрамъ приложилъ большіе персты своихъ рукъ къ глазамъ и голосно, по-жидовски, пропѣлъ:

«Умейнъ» т.-е. аминь или по-нашему «истинно».

Ѳедоръ схватилъ его изо всей силы, прижалъ къ сердцу, обнялъ, да шепчетъ:

— Онъ теперь среди насъ.

Абрамъ говоритъ:

— Ну, такъ что-жь? Побудь съ нами, мужъ Галилейскій!

А Ѳедоръ заплакалъ:

— Побудь! — молитъ. — Останься! Мы сотворимъ Тебѣ сѣню.

А Абрамъ опять ударилъ:

— «Умейнъ!»

И такъ точно разговоры о вѣрѣ никогда не смущали согласія Абрама и Ѳедора. Они опять ходили въ свой разгороженный огородъ и, подмостившись на скамейкахъ, бесѣдовали черезъ стѣну, только не надолго этого стало.

Вѣрѣ, надеждѣ и любви есть испытаніе.

Ѳедоръ и Абрамъ стал и мирны, да вокругъ ихъ все уже инымъ духомъ взялось и все, что случится, оборачивалось имъ въ сумлѣніе.

X.

Пошли на Ѳедора разныя бѣды — и все одна за другою. Одна бѣда точно ведетъ другую. Сдѣлался Ѳедоръ нездоровъ и долго лежалъ, а потомъ стали у него болѣть дѣти и ни одинъ не выздоровѣлъ, а всѣ другъ за другомъ умерли, а потомъ умерла и его молодая жена, которая ему дѣлала большую помощь въ хозяйствѣ.

Ѳедоръ въ этихъ горестяхъ ослабѣлъ душою и сталь неаккуратно смотрѣть за дѣлами, а его наемные люди хоть и крещеные были, а его не пожалѣли и этимъ его несчастіемъ воспользовались и много расхитили. Послѣ же всего одинъ его должникъ, которому Ѳедоръ вѣрилъ, какъ брату, сильно его обманулъ и присягнулъ, что долгъ ему отдалъ. Ѳедорово хозяйство ото всего этого сильно пошатнулось и онъ закручинился. А люди стали о немъ толковать и со всѣхъ сторонъ ему говорили:

— Развѣ ты не видишь, какъ тебя Богъ наказываетъ? Это на тебя проклятіе послано за то, что ты живешь въ дружбѣ съ врагомъ вѣры христіанской.

Ѳедоръ не вѣрилъ и словъ этихъ не любилъ слушать, а отвѣчалъ:

— Вы мнѣ не утѣшеніе, а одну досаду дѣлаете. Вы сами не знаете, что говорите: Христосъ никого не велитъ ненавидѣть, а всѣхъ приказываетъ любить.

— Только, — говорятъ, — не жидовъ.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Этого въ Евангеліи не сказано.

— Жидъ — врагъ нашей вѣрѣ.

— Врагъ тотъ, который не понимаетъ, а по насъ судитъ, что мы еще злы и не исправляемся, — говоритъ Ѳедоръ. — Сосѣдъ Абрамъ никогда мнѣ моей вѣры не порочилъ и даже объ ученіи Христовомъ разсуждаетъ съ почтеніемъ; а если бы онъ и врагъ былъ, то я, какъ

христіанинъ, обязанъ и о врагѣ милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Христосъ на крестѣ за своихъ враговъ молился.

Ему отвѣчаютъ:

— Намъ съ Христомъ себя не ровнять. Ты богохульствуешь.

— Я и не ровняю, — отвѣчалъ Ѳедоръ, — а только говорю, что Христу надо слѣдовать, и когда другіе люди нашу доброту увидятъ, они скорѣе нашу вѣру любить станутъ. Въ этой добротѣ мы Христа своего всему міру явить можемъ на уваженіе.

Люди на это только больше разсердились, а среди ихъ былъ одинъ Никодимъ-мvроварникъ, который продавалъ мvро — онъ сталъ всѣмъ сказывать, что Ѳедора грѣшно и слушать, потому что Ѳедоръ самъ отъ Бога проклятъ, яко другъ жидовиновъ, и Никодиму будто во снѣ явлено, что Ѳедору дальше не будетъ ни въ чемъ удачи, а нападутъ на него еще бо́льшія бѣды, и тому, кто съ Ѳедоромъ водиться станетъ, тоже ни въ чемъ удачи не будетъ.

Ѳедоръ и этому не внималъ и не боялся быть отъ всѣхъ покинутымъ, а разсуждалъ такъ, что онъ худа не дѣлаетъ, храня дѣтскую дружбу съ Абрамомъ, человѣкомъ честнымъ, который свою вѣру держитъ, а чужой не порочить и даже хорошее въ ней хорошимъ называетъ.

XI.

Абрамъ пришелъ къ Ѳедору и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Другъ Ѳедоръ, я узналъ, что твои люди на тебя въ большомъ неудовольствіи за твое ко мнѣ расположеніе. Какъ бы для тебя худо не было.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Другъ Абрамъ, я люблю тебя и не могу дѣлать иначе. Въ отрочьемъ вѣкѣ насъ съ тобою было разбили, но теперь въ возрастѣ мы этого надъ собой не допустимъ. Только душа моя ослабѣваетъ отъ большихъ несчастій. Неужели и вправду Богъ меня кинулъ?

— Счастіе и несчастіе жизни нашей отъ Бога, — отвѣчалъ Абрамъ. — Богъ одинъ создалъ и христіанина, и еврея, и никому не открылъ тайны судьбы ихъ. Люди дерзки, когда они хотятъ проницать тайну Бога и толкуютъ по-своему, за что человѣку отъ Бога посылается счастіе или несчастіе. Это какъ по нашей, такъ и по вашей вѣрѣ совсѣмъ не человѣческое дѣло разбирать и раскладывать. Наше человѣческое дѣло — помогать, чѣмъ можемъ, другъ другу; къ пріязни нашей теперь подваленъ большой камень, а потому и тебѣ будетъ трудно, да и мнѣ страшно, если тебя постигнетъ еще какое-нибудь бѣдствіе. А потому прошу тебя не сменяйся дружбой ко мнѣ и покажи, что ты мною пренебрегаешь, а я въ душѣ моей за это на тебя не обижусь.

Въ Ѳедорѣ отъ этихъ словъ даже сердце заныло.

— Нѣтъ, — говорить, — Абрамъ, ты мнѣ другъ отъ младыхъ ногтей и никогда меня ничѣмъ не обидѣлъ, и я тебя не могу обидѣть такимъ обхожденіемъ.

— Ну, смотри, какъ знаешь, — отвѣчалъ Абрамъ и, поцѣловавъ Ѳедора, добавилъ сквозь слезы: — Богъ одинъ знаетъ, къ чему эти испытанія, но будемъ другъ другу вѣрны и Богъ не постыдитъ нашей вѣрности.

Такъ друзья днемъ между собою говорили, а ночью собрались надъ ихъ городомъ тучи, ударилъ съ неба громъ и спалилъ въ одно мгновеніе весь домъ Ѳедора и всѣ его амбары и кладовыя, гдѣ у него лежали товары, которые онъ только что хотѣлъ посылать за море.

XII.

Послѣ этой бѣды отшатнулись отъ Ѳедора всѣ, какъ отъ чумнаго, и стали вѣрить, что съ нимъ и знаться не слѣдуеть, потому что на немъ въявѣ гнѣвъ Божій.

Ѳедоръ стоитъ на своемъ пожарищѣ, унылый, и думаетъ:

— Мнѣ ни отъ кого не будетъ помощи.

А знакомый голосъ кличетъ его изъ-за забора.

Ѳедоръ поднялъ голову и видитъ лицо Абрама.

— Что ты тужишь? — говорить Абрамъ. — Въ бѣдѣ надо скорѣй поправляться.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нечѣмъ мнѣ мою бѣду поправлять; я все до тла потерялъ и теперь мнѣ не за что взяться.

— Я тебѣ денегъ дамъ взаймы на разживу.

— Ты смѣешься, Абрамъ!

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Мнѣ теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мѣрѣ, тысячу литръ золота.

— А что же ты съ ними сдѣлаешь?

— Я бы опять накупилъ цареградскихъ товаровъ, отплылъ въ Александрію, тамъ бы продалъ все за тройную цѣну и долгъ бы отдалъ, и себѣ бы нажилъ.

— Что же, это хорошо, приходи и возьми себѣ у меня въ долгъ тысячу литръ золота.

— А кого же я тебѣ поставлю порукой, что я тебя не обману и долгъ отдамъ?

— Не надо мнѣ поруки. Пусть будетъ намъ наша дѣтская дружба порукой.

Ѳедоръ говорить:

— Какъ люблю Іисуса Христа, такъ ручаюсь тебѣ, что я тебя не обману.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Знаю, какъ ты его почитаешь, и потому еще болѣе теперь вѣрю. Ты его имя напрасно не скажешь. Иди и бери деньги.

— А если мнѣ будетъ неудача и ты тогда станешь думать, что я Христомъ не подорожилъ?

— Нѣтъ, я знаю, что ты человѣкъ вѣрный. Иди ко мнѣ и бери скорѣй тысячу златницъ, снаряжай корабль и плыви съ товаромъ въ Александрію.

Ѳедоръ написалъ Абраму должную росписку и подписалъ ее, а Абрамъ отсчиталъ Ѳедору тысячу златницъ и тотъ накупилъ нужныхъ для Александріи цареградскихъ товаровъ, нагрузилъ все на корабль, распростился и поплылъ въ Египетъ.

Всѣ удивлялись, откуда Ѳедоръ взялъ столько денегъ, что-бы такъ легко справиться, и говорили между собою: «вѣрно у него деньги въ землѣ были припрятаны». А Ѳедоръ, когда настало время отчалить его кораблю, зашелъ къ Абраму проститься и, благодаря его еще разъ, сказалъ:

— Вѣрь же, другъ Абрамъ, что я тебя не обману и не поставлю въ фальшь имени Іисуса.

Абрамъ отвѣчалъ:

— Я не сомнѣваюсь. Добрый человѣкъ не можетъ пристыжать того, кого любить и уважаетъ, какъ своего учителя. Плыви съ Богомъ и, что́ бы съ тобою ни случилося, я своего довѣрія не измѣню.

А довѣрію Абрама суждено было выдерживать много испытаній.

XIII.

Ѳедоръ благополучно прибылъ съ цареградскими товарами въ Александрію и очень хорошо расторговался. Выручилъ онъ столько денегъ, что могъ заплатить весь

долгъ Абраму и себѣ оставить. Но на обратномъ пути въ Константинополь морская буря разбила его корабль, и самъ Ѳедоръ насилу спасся на бревнѣ, а все его золото погибло.

Мимо шедшіе корабельщики взяли Ѳедора изъ воды, привезли въ Константинополь и выпустили, какъ нищаго.

Сошелъ Ѳедоръ на землю, дождался ночи и, согнувшись подъ лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на кораблѣ, потащился къ своему пожарищному пустырю, забился въ погребичную яму и плачетъ.

Стыдно ему было даже въ лицо Абраму взглянуть и разсказать, какой съ его деньгами вышелъ худой оборотъ.

А Абрамъ самъ узналъ черезъ людей о Ѳедоровомъ возвращеніи и сейчасъ же пролѣзъ къ нему въ яму и говоритъ:

— Полно, Ѳедоръ, что ты стыдишься? Бѣда надъ всякимъ можетъ случиться. Не приходи въ отчаяніе. Я тебѣ вѣрю и помню, что ты священное для тебя имя во свидѣтельство произнесъ. Ты Іисуса не обманешь, а я вотъ принесъ тебѣ еще тысячу златницъ. Бери и начинай все дѣло наново.

Ѳедоръ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Я, — говоритъ, — не могу принять.

— Отчего?

— Видишь самъ: меня ужасныя бѣдствія преслѣдуютъ.

— Что же, тутъ-то тебѣ и надо мужаться, а друзьямъ твоимъ тебѣ помогать. Иди, одѣнься въ мою запасную одежду, бери тысячу златницъ и принимайся опять за дѣло.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что я съ моею судьбой и тебя изнищу.

— Полно, — говоритъ Абрамъ, — что о судьбѣ спорить? Судьба никому неизвѣстна, а то, что ты за меня битъ былъ отъ своихъ, — это мнѣ извѣстно и я тебя не выдамъ въ несчастіи, да не презрѣнъ будетъ въ людяхъ жидъ, яко рабъ Еговы, сотворившаго небо и землю. Неужели ты за меня умѣлъ пострадать, а я будто того же снести не съумѣю. Бери деньги и ступай опять искать счастія.

Одѣлъ Абрамъ Ѳедора въ свою запасную одежду, прежнюю долговую росписку переписали съ одной тысячи на двѣ, и Ѳедоръ пошелъ снаряжаться.

XIV.

Въ этотъ разъ Ѳедоръ накупилъ въ Цареградѣ ароматной смолы и нагрузилъ ею цѣлый корабль. Привезъ смолу въ Александрію и съ большимъ прибыткомъ промѣнялъ ее тамошнимъ купцамъ на олово и поплылъ съ оловомъ въ Ефесъ. Въ Ефесѣ на ту пору олово было очень надобно и въ большомъ спросѣ. Ѳедору дали за олово вѣсъ на вѣсъ красной мѣди. И сталъ Ѳедоръ вдругъ богатъ отъ этого выгоднаго промѣна и поплылъ назадъ къ Константинополю, радуясь, что теперь онъ съ Абрамомъ разсчитается и самъ снова будетъ жить непостыдно.

Но вышло все опять пребѣдственно: опять Ѳедорово судно разбилось, и опять все его богатство потонуло. А изъ людей онъ только одинъ спасся, и опять совсѣмъ голый, какъ мать родила, явился домой, добрался онъ до своего пепелища въ Царьградъ, сѣлъ въ уголкѣ темной погребной ямы и опять плачетъ. Опять приходитъ къ нему Абрамъ и говоритъ:

— Ну, слушай ты, Ѳедоръ! Извели мы съ тобой денегъ много, двѣ тысячи златницъ, и все понапрасну: надо ихъ вернуть.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Какъ еще вернуть? Вѣдствія меня такъ и преслѣдуютъ. Но что для меня всего тягостнѣе, ты можешь подумать, что я твои деньги скрылъ и теперь притворяюсь бѣднымъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Абрамъ-жидовинъ, — ты всегда былъ честный человѣкъ, да и Іисусово имя ты не произнесъ бы напрасно. Я знаю, что ты Іисуса истинно почитаешь и никогда во лжи его имя не упомянешь.

— Утѣшь тебя Богъ, Абрамъ, что ты такъ обо мнѣ думаешь! Правда твоя: я не помяну имени Іисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще бо̀льшія пришли напасти, и радъ я, что ты вѣришь, какъ я Его почитаю.

— Ну, и толковать намъ не о чемъ. Вотъ тебѣ твоя старая росписка на двѣ тысячи златницъ. Сотри ее и напиши новую, въ три тысячи, и поѣзжай въ третье.

Ѳедоръ изумился.

— Благодарю, — говоритъ, — за твою до-родѣтель, но мнѣ ужъ и брать не охота. Вѣрно на мнѣ есть какой особый грѣхъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ надобно, чтобы люди разныхъ вѣръ другъ другу не помогали.

— А вотъ для этого-то, — говоритъ Абрамъ, — я не хочу, чтобы ты такъ думалъ. Единъ Богъ во вселенной, но суды его разбирать не наше дѣло, а помогать другъ другу есть наша обязанность. Пиши третью росписку на три тысячи литръ золота и отплывай въ третье.

XV.

Ѳедоръ, по настоянію Абрама, взялъ тысячу литръ золота, сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Кальварію. Удача ему опять пошла самая счастливая. Въ Кальваріи онъ накупилъ пшеницы, по сребреннику за рѣшето, и отплылъ

съ нею въ Гундалы, а въ Гундалахъ всю пшеницу продалъ по златницѣ за рѣшето. Денегъ стало очень много, но Ѳедоръ на томъ не остановился: въ Гундалахъ онъ накупилъ хорошаго виноградnаго вина по сребреннику за мотру и поплылъ съ виномъ въ Антіохію. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше и Ѳедоръ продалъ здѣсь вино по златницѣ за мотру, которую купилъ всего по сребреннику.

Послѣ этого у Ѳедора стало столько денегъ, что и дѣвать некуда. Но Ѳедоръ зналъ, что онъ и прежде съ Абрамовой руки наживалъ ихъ легко, да только никогда довезти не могъ.

Какъ бы опять въ третій разъ того же самаго не было.

Надумалъ Ѳедоръ лучше самому денегъ не везти, а послать ихъ съ какими нибудь вольными корабельщиками такъ, чтобы имъ неизвѣстно было чтò они везутъ.

Пошелъ Ѳедоръ ходить по городу, купилъ для Абрама даръ, антіохійскій плащъ, да сѣдло, чтобы на ослѣ ѣздить, да крѣпкій ларецъ и сдѣлалъ изъ всего этого одинъ свертокъ, а ларецъ завертѣлъ въ самую середку, и положилъ туда четыре тысячи золотыхъ литръ: три тысячи въ возвратъ за взятый у Абрама долгъ, а четвертую тысячу за проценты. Завернулъ это все такъ, что ларца не видно было, и отдалъ ѣхавшимъ въ Царьградъ корабельщикамъ, чтобъ отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя, и самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ.

Вольные корабельщики не догадались, что они везутъ въ посылкѣ золото, и какъ дошли до Царьграда, такъ сейчасъ и отдали посылку Абраму-жидовину.

XVI.

Абрамъ былъ человѣкъ осторожный: онъ не сталъ

при корабельщикахъ смотрѣть, что такое ему отъ Ѳедора прислано, а отнесъ свертокъ домой, заперся одинъ и какъ развернулъ плащъ и сѣдло, то нашелъ накрѣпко заклепанный ларецъ, а въ ларцѣ деньги — всѣ четыре тысячи златницъ полностью: три — въ возвратъ займа, а четвертая — за проценты.

Абрамъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и молчитъ, никому ни слова не говорить.

Вскорѣ затѣмъ Ѳедоръ успѣлъ вернуться и сейчасъ же приходить къ Абраму съ большими дарами, кладеть передъ ними и ткани, и каменья, и золото.

— Прими, — говорить, — отъ меня; я тебѣ всѣмъ обязанъ. Безъ тебя бы пропалъ я.

А Абрамъ отвѣчаеть:

— Я за дары тебя благодарю и принимаю ихъ, но пора же тебѣ, Ѳедоръ, теперь мнѣ и долгъ отдать.

Ѳедоръ сильно смутился, но отвѣчалъ другу:

— Правда, Абрамъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы поднести тебѣ сначала мои дары въ честь, а теперь пойдемъ со мною на мой корабль, раскроемъ все, что я имѣю, сочтемъ и подѣлимъ все поровну на двое: половину мнѣ, а половину — тебѣ.

Абрамъ усмѣхнулся и говорить:

— Нѣтъ, Ѳедоръ, я тебя искушалъ шуткою, чтобы видѣть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мнѣ укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты воистину кротокъ, какъ твой учитель, Іисусъ Галилейскій. Я отъ тебя черезъ корабельщиковъ весь свой долгъ и проценты получилъ и мнѣ больше ничего отъ тебя не слѣдуетъ. Вотъ возьми свою должную грамоту. Но скажи мнѣ только на милость, какъ ты это такъ послалъ мнѣ столь значительныя деньги безъ всякаго слѣда?

— А видишь, — отвѣчалъ Ѳедоръ, — я ужасался моего несчастія на обратный путь и лучше хотѣлъ два раза

тебѣ заплатить, чѣмъ еще одинъ разъ остаться неисправнымъ за порукой имени моего Спасителя.

Абрамъ обнялъ и разцѣловалъ Ѳедора.

— Да, — говоритъ, — ты его истинно любишь и прославляешь. Умножь Богъ на свѣтѣ людей тебѣ равныхъ и подобныхъ.

— Да умножь Богъ и такихъ, какъ ты, Абрамъ, — отвѣчадъ Ѳедоръ и сказалъ, что онъ желаетъ построить изъ своего богатства такой домъ, гдѣ бы былъ пріютъ и харчи всѣмъ бѣднымъ дѣтамъ всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобъ они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, а не раздѣлялись.

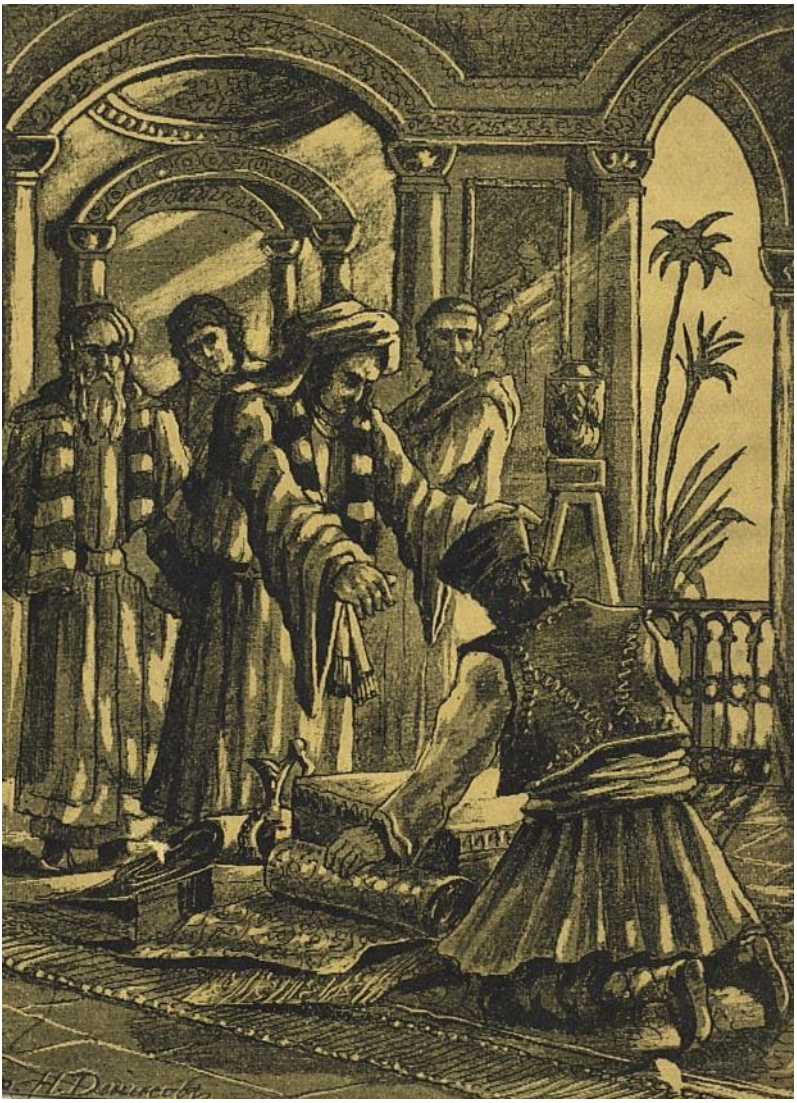
Абрамъ очень обрадовался.

— Хорошо, говоритъ, — и я свой процентъ не беру, а отдаю на этотъ домъ. Пусть дѣти живутъ безъ разбору, какъ мы съ тобою жили въ дѣтствѣ нашемъ. И пусть будетъ это дружбѣ нашей на старости поминанье.

И сдѣлали такъ: построили домъ и назвали его «селеніемъ ближнихъ». И приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближнихъ» заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу.

Повѣсть эта не есть баснословіе, измышленное досугомъ писателя. Это есть истинная исторія, въ древніе годы дѣйствительно бывшая и въ давніе же годы писанная рукой современнаго богочтителя и человѣколюбца. Нынѣ она отъ старыхъ записей взята и въ новомъ изложеніи подается для возможнаго удовольствія друзей мира и человѣколюбія, оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія.

Николай Лѣсковъ.



ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (http://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – иждётъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т.к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343
въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]